

Н.В. Халина

Алтайский государственный университет

**Реальная действительность в русском языке
XIX – начала XXI веков**

Лингвистический поворот в интеллектуальной жизнедеятельности западного общества связывается прежде всего с именем Ф. де Соссюра, провозгласившего семиологические приоритеты в филологических исследованиях. Лингвистический поворот в жизнедеятельности носителя русского языка следует связывать с лексикографической деятельностью В.И. Даля, осуществившего модификацию отношения сущего к своему другому, конкретным воплощением чего, согласно идеи языкового мирозидания В.И. Даля, является фиксация живой (звучащей) человеческой речи, или звучащего человека. «Человек (или человечество), – по мнению В. Соловьева, – существо, содержащее в себе (в абсолютном порядке) божественную идею, то есть всеединство или безусловную полноту бытия, и осуществляющее эту идею (в естественном порядке) посредством разумной свободы в материальной природе» [Розанов, 1996, с. 160].

Отношение сущего к своему другому есть осуществление идеи, или реальная действительность, отличающаяся от действительности самобытной, действительности абсолюта, в контексте философии всеединства [Там же]. Комментируя позиции данной философии, В.Н. Акулинин приходит к выводу, что человек порождается реальной действительностью и в ней существует; реальная действительность – это результат отношения сущего (положительного ничто, содержащее в себе все в потенциальном единстве) к своему другому, конкретно воплощенному в человеке [Акулинин, 1990]: в человеке сущее находит внутреннюю действительность, непосредственная связь человека и сущего устанавливается через Логос.

Лингвистическая и философская концепция человека, философия В.С. Соловьева и прикладная теория сущности русского языка Н.И. Даля, созидались фактически в едином временном пространстве. Философия всеединства, как считает В.Н. Акулинин, представляет собой яркий пример деформации философии: в ней «деформируется» и философская, и религиозная составляющие; в философии всеединства за счет совмещения областей иррационального и рационального сфера последнего расширяется. Основной кардинальный вопрос, на который необходимо было ответить «деформаторам», формулируется В.Н. Акулининым следующим образом: «если существует откровение Истины, данное в религии, то есть ли надобность в рефлексии по поводу этой истины» [Акулинин, 1990, с. 72]. Ответ, предлагаемый авторами концепции философии всеединства, по мнению исследователя, сочетал понятия «живой сущности» безусловной истины и «мыслимой ее формулы»; «живая сущность» дана в религии, «формула ее» отыскивается философией. «Живая сущность» реальной действительности, т.е. отношения сущего к своему другому воплощенному в человеке, представлена в философии языка В.И. Даля, по сути своей, также философии деформирующей: «Кажется, будто бы такой переворот предстоит ныне нашему родному языку. Мы начинаем догадываться, что нас завели в трущобу, что надо выбраться из нее поздоровому и проло-

жить себе иной путь. Все, что сделано было доселе, с времен петровских, в духе искажения языка, должно усохнуть и отвалиться, дав простор дичку, коему надо вырасти на своем корню, на своих соках, сдобриться холей и уходом, а не насадкой сверху. Если и говорится, что голова хвоста не ждет, то наша голова, или наши головы умчались так далеко куда-то вбок, что едва ли не оторвались от туловища; а коли худо плечам без головы, то некорыстно же и голове без тула. Применяя это к нашему языку, сдается, будто голове этой приходится либо оторваться вовсе и отвалиться, либо опомниться и воротиться. Говоря просто, мы уверены, что русской речи предстоит одно из двух: либо испошлеть донельзя, либо, образуясь, своротить на иной путь, захватив притом с собою все покинутые второпях запасы» [Даль, 1994, с. XXI].

В языковом мирозидании В.И. Далем деформации подвергается Логос, лежащий в основе графической системы русского языка и кодифицирующий мыслительную деятельность восточных славян. Логос при этом следует понимать как принцип, метод, закон объединения и осмысления [Лосев, 1993]. «Его природа всецело принципна. Он приобретает значение лишь в связи с формальным приведением в связь, в осмысленное целое. *Он себя не обосновывает*; и в логосе как таковом неизвестно, почему в нем дана такая-то совокупность признаков. Обоснование этой связи – всецело там, где она дана как жизнь, где все эти признаки даны в живом целом, в эйдосе» [Лосев, 1993, с. 706]. В задачи В.И. Даля входило осуществление трансформации логоса в эйдос, создание смысловой и цельной картины живого предмета – живого великорусского языка и его живо мыслящего носителя – «россиянина», с одной стороны, с другой стороны, необходимо было показать существо подобного метода – логоса, оперирующего семиоимпликационными значениями и их порождающего.

Опыт В.И. Даля возможно определить как некое возвращение к исходным для восточных славян принципам каталогизации воспроизводимого мира и фиксации импликационных процессов. Как утверждает М.В. Никитин, импликационные процессы совершаются в психике животных на дознаковом уровне, в психике людей на знаковом уровне [Никитин, 1988]. На знаковом уровне импликационные процессы обобщены как отражения закономерных связей – рабочих единиц абстрагирующего понятийно-умозаключающего сознания.

Отражение закономерных связей возможно, о чем свидетельствует словарная статья в «Толковом словаре живого великорусского языка», через демонстрацию деривационных потенций корневого морфа как потенций сознания, работающего в сетевой среде наречий. Результатом деятельности сознания в подобных условиях становится логическая форма. Логическая форма языка обусловлена принципами работы сознания при осмыслении того или иного слова, предполагающем установление связей между несвязанной темой и принципами ее системной классификации. Так, для темы *калина*, предлагается система ее контекстной дистрибуции, маркируемая морфами – ИН(а) (*калинина* – дерево, кустарник калины); -Н-, -ОВ- (*калинный, калиновый*, относящийся к калине (дереву или плоду), сделанный из ; -ОВК- (*калиновка* – наливка из ягод; настойка из листьев, побегов); -НЯК- (*калинняк* – роща из калины); -НИК- (*калинник* – роща из калины, кустарник; хворост, батожки, на чубуки; пирог; тесто; охотник (любитель) до калины; -НИК(И)-мн.ч. (*калинники* – отдаленные осенние грозы, зарево; заморозки); -К- (*калинка* – рыбка уклейка). Корневой морф может быть охарактеризован, с опорой на концепцию теоретического моделирования языка Е.Ф. Кирова [Киров, 1989], как неструктурированный блок образов в мышлении, или смысл. Это то, что видится мыслью, осязается умом, созерцается интеллектуально в логической форме языка, т.е. эйдос. В аспекте диалектической подвижности каждый эйдос, полагает

А.Ф. Лосев: «1) предполагает соответствующее меональное окружение, на основе которого он из 2) нерасчлененного единства превращается в 3) расчлененный образ, 4) пребывающий в неизменном движении (диалектическая триада с меональным фоном)» [Лосев, 1993, с. 702].

Меональное окружение, открывающее необходимый иррациональный момент в самой рациональности сущего, момент диалектически необходимый, не позволяет смыслу, т.е. эйдосу, терять определенность и очертание, иначе обесмысливается. Меональное окружение в словарной статье моделируется В.И. Далем через посредство предицирования, которое Д.Н. Овсяннико-Куликовский определял как умственный процесс, основанный на сосредоточении внимания на признаке действия, характеризующийся обращением к «Я» субъекта [Овсяннико-Куликовский, 1989]. Так, меональное окружение слова *калина* состоит из четырех уровней: А. ломать (калину, пучками), трясти (яблоки), брать (ягоду); В. дерево – плод; ягода – листья, побеги, хворост – мосты (дорога к болоту) – батожки – на чубуки; С. пучок; морок; тесто; Д. испеченная в вольном духу под наглухо замазанной тестом крышкою; штоф вина, заткнутый пучком калины с алою лентой. Грамматическое мышление языкового субъекта, осуществив мыслительное путешествие по меональному окружению эйдоса, обретает новую логику, в контексте которой экстенционал образованного русского языка толкуется не столько как множество вещей (детонантов), с которыми соотносится понятие (значение, имя), а множество прагматистко-праксеологических структур, представляющих собой результат классифицирующей деятельности понятийно-умозаключающего сознания.

Понятийное содержание уровней меонального окружения прочитывается более адекватно, если воспользоваться толкованием прагматизма Ч. Пирса, предложенным Уильямом Джеймсом в работе «Прагматизм: Новое название для некоторых старых методов мышления» [Джеймс, 1977]. Как отмечает У. Джеймс, впервые термин прагматизм введен в философию Ч. Пирсом в 1878 г. в статье «Как сделать наши идеи ясными». Принцип Пирса, или принцип прагматизма, кратко формулируется следующим образом: значение утверждения заключается в способе действия, которое оно может вызвать. Ясность в мыслях о каком-нибудь предмете определяется рассмотрением практических следствий, содержащихся в предмете, т.е. ощущений, которых можно от него ожидать, и реакций, к которым необходимо подготовиться. Представление о подобных следствиях и есть все то, что возможно представить себе об этом предмете. Принцип прагматизма опирается прежде всего на мыслительную деятельность, в контексте концепции В.И. Даля, соотносимую с техникой человеческой деятельности, или праксеологией, составляющей базис исторического материализма. «Исторический материализм, – считает известный японский философ и общественно-политический деятель Канъити Курода, – или диалектика общества, начинается с выяснения принципа производства человеческой жизни. Теория техники человеческой деятельности выясняет ее природную сторону, т.е. производство средств существования как техническую практику деятельности» [Курода, 1991, с. 35].

Результатом меонального, прагматистко-праксеологического, по В.И. Далю, оформления предметно сущего является семиимпликационное значение русского языка, презентующее среду, а точнее, стихию бытия понятийно-умозаключающего сознания – сеть наречий. Подобно целям создателей диалектического или праксеологического материализма, задача автора «Толкового словаря русского языка» состояла в выяснении структуры реконструирования логики топоса, представляющей, по мнению К. Куроды, одновременно и логику исторического процесса развития природы, т.е. диалектику процесса.

Базой импликации в случае с семиимпликационными значениями является знаковая деятельность, речь со всеми ее составляющими и несомой ею информации [Никитин, 1988]. Прежде всего информацией, усваиваемой из знания мира и знаковой деятельности людей: знак усваивается как предмет вообще, погруженный во все естественные связи того топоса, в котором он проявляется и таким образом он маркирует диалектику процесса. Отсюда интенционал образованного языка представляет собой принцип = метод соединения ощущений от предмета, реакции на предмет и логики топоса. Это своеобразная схема мысленного прохождения (когнитивная карта) языкового субъекта к предметной сущности, *предмету* слова. «Чтобы пробиться к предмету слова, к предметной сущности, мы должны были пройти сквозь то место, где предметная сущность как таковая *воплощается* в конкретное слово *hic et nunc* значимость слова, диалектически-необходимо связанную с наличием неизменной предметной сущности как таковой. Предметная сущность, сказали мы, присутствует в слове не сама по своей сущности, но в некоем своем качестве. И это качество есть просто мейнальное его оформление и выражение» [Лосев, 1993, с. 647].

Методом объединения, осмысления спонтанного проявления мира в «сеть» – гнездо для книжного русского языка является логос, метод познания в контексте абсолютного синтеза, выражаемого мыслями. Абсолютное сознание, как считает Е.Н. Трубецкой, «видит» мысли как истинные, будучи духовно-чувственным созерцанием или видением. «Все мои переживания и ощущения, а стало быть, и все мои восприятия *красок* вселенной объемлются абсолютным сознанием и содержатся в нем *в контексте всеединой Истины*. Стало быть, в этом контексте всякое мое ощущение становится *элементом всеединого откровения*: нужно уметь читать их в этом контексте, *уметь находить* это откровение. Откровение это заключается не в самом моем ощущении, не в субъективном переживании моей психики, *а в сверхпсихическом смысле переживаемого*. Смысл же этот открывается не всякому, а имеющему очи видеть. *Чтобы понять значение тех поюсторонних красок*, которые мы видим, нужен подъем над непосредственной данностью другого к всеединому и изначальному Свету, который в нем отражен» [Трубецкой, 1998, с. 169]. В сверхпсихической сфере истина конкретна: звуковые и световые волны нерасторжимо связаны как условное и безусловное, «иллюстрируя» проникновение света в другое, сочетание двух различных элементов бытия; в котором «мы имеем живой образ соединения недвижимого Божьего света и той движущейся *темной* области, в которую он проникает» [Трубецкой, 1998, с. 170].

Е.Н. Трубецкой полагает, что звук является необходимым условием света, порождаемого движением; в условиях «здешнего» опыта звук и свет существуют в движении и через него, но между ними, звуком и светом, с одной стороны, и движением, с другой стороны, не существует тождества. По существу, заключает Е.Н. Трубецкой, мы имеем здесь различные ряды, различные содержания сознания.

Звук вызывает движение света, которое может быть представлено как его спектральное расслоение, «разноцветные лучи», по Е.Н. Трубецкому. В словаре В.И. Даля звук «созерцается» в двух резонирующих сферах – сфере языка неживого («искусственного», латинского) и сфере языка «живого» («естественного», русского). Первый представляет собой продукт жизнедеятельности государства, достигшего фазы цивилизованности, второй призван решать задачи «образования» общества, придания ему «образованности» и, возможно, «государственности» имперской, т.е. сетевой.

Движение света должно снять сопротивление «другого» сущего, конкретно воплощенного в человеке, сопротивление слиянию со светом. Победа света над

тьмою, считает Е.Н. Трубецкой, должна выражаться в том, что сопротивляющаяся свету темная среда сама становится средою «откровения заключающихся в свете положительных возможностей» [Трубецкой, 1917, с. 164]. Движение к свету фактически предполагает преобразование реальной действительности, являющейся результатом отношения сущего к своему другому. В этом движении обнаруживает себя чистый динамизм жизни, или «жизненная воля» (шэн и). По мнению В.В. Малявина, жизненная воля отождествима с первичным синтезом, символической матрицей сознания, которые лежат в основе китайской традиции [Малявин, 2003]. Символическая матрица – исток и внутреннее средоточие психической жизни есть реальность. Она совершенно безусловна, цельна, не имеет ничего вне себя; сама «скручивается в себя» (хунь жань) и внушает опыт «постижения одиночества» (цзянь ду). Ее действие соответствует инволюции, возвращению в состояние первичной целостности (= «повертывание жизни вспять», «сбережение единства», «возвращение в пустоту»); она не имеет предметного содержания и лишь представляет возможность всякого опыта.

Символическая матрица сознания в словаре В.И. Даля включает в себя прежде всего информацию о действиях как о функциях воспринимаемых предметов (а); информацию о функциональной стратификации предмета (в); информацию о возможных комбинаторных связях языковых содержаний (именований) (с); описания техники человеческой деятельности, сочетающей различные элементы бытия (d).

«Изображение» символической матрицы сознания сопровождается в словарной статье живого великорусского языка общеклассификационной языковой матрицей, разработка которой создает предпосылки для формирования литературного языка нового типа. В эту матрицу входит словообразовательная парадигма, демонстрирующая деривационный потенциал корневого морфа языка, его вариативность и способность обслуживать различное количество семантических сред. Корень следует расценивать как некий циклический знак, выполняющий функцию переменной. Циклические знаки отражают циклическое движение вещей, «которое внутри сознания представлено порядками образов-идей, а в поведении человека – танцем-практикой под ритмику пластических изменений вещей» [Лукьянов, 1992, с. 110]. Неопределенность циклического знака – корня – снимается кванторами – деривационными аффиксами, стандартными обозначениями первоэлемента идеи – и областью определения – общей матрицей суждения, в качестве которой В.И. Даль предлагает образцы афористической речи русского этноса:

Убожество *учит*, богатство *пучит*; Счастье *пучит*, беда *крючит*; На чужую *кучу* нечего глаза *пучить*; Ешь больше *теста*, в брюхе есть *место*; Дьяк у *места* – что кошка у *теста*, а дьяк на *площади* – *то Господи прости*; Морочила *мороча*, а проскочила *сорока*; Он все ляссы *точит*, да людей *морочит*.

Подобные контексты функционирования корневого элемента открывают новые ассоциативные связи, проявляющиеся прежде всего при произнесении слова в речевом потоке, порождающем неденотативные компоненты значения, или компоненты смысла, – элементы всеединого откровения, маркирующие сверхпсихический смысл переживаемого, восприятие красок вселенной.

Общеклассификационная языковая матрица в словаре В.И. Даля обнаруживает особую функцию смысла – означивание принципа производства человеческой жизни. Иллюстрации этого принципа легко отыскиваются в словарных статьях:

Землю **вспучило**. Что глаза **выпучил**? Всю дорогу **испучило**. Река **напучилась**. Весь **опучился** в водяной опух. Обшивку **отпучило**. Вишь **отпучил** брюхо! отростил. Доски **попучило**. **Подпучило** меня под грудь, подперло, подвалило. Всю

мебель перепучило, перекоробило. Больного совсем **распучило**. Фигляр всех **обморочил**. **Проморочил** его долгонько.

Основу принципа производства человеческой жизни, а также взаимосвязанной с ним техники мыслительной деятельности, составляет воспроизведение одного и того же свойства, предметной сущности в разных ситуациях, или окружениях. Именно этот принцип обнаруживает комбинаторные свойства мозга и элементарные синтагматические правила его языка (языка мозга).

«Техническая развертка» симптоматической функции языка, отождествляющей его с другими формами поведения живого организма, создает некую первооснову для развития видения или духовно-чувственного созерцания, т.е. оформления абсолютного сознания. Каждой языковой единице X сопоставляется вероятность ее употребления в корпусе текстов Y; текст есть последовательность независимых реализаций (разыгрываний) случайной величины Z (выбора). Таким образом, формулируется одно из условий составления словаря в системе теоретических положений квантитативной лингвистики [Арапов, 1988]. В контексте теории сущности языка, разрабатываемой В.И. Далем в процессе создания Толкового словаря живого великорусского языка, это условие соблюдается при реконструкции принципа производства человеческой жизни в смысловой форме слова, присутствующей в словаре в виде вещи понятой. «Имя вещи есть выраженная вещь. Слово вещи есть понятая вещь. Имя, слово вещи есть разумеваемая вещь, в разуме явленная вещь, вещь как разум и понятие, как сознание и, следовательно, – разум, понятие и сознание как вещь. Так воздвигается знание диалектики, принципиально отождествляющей знание и бытие – в отличие от множества метафизических систем, спорящих о взаимном влиянии «сознания» и «бытия». Они *не влияют друг на друга*, но они – изначально *тождественны*» [Лосев, 1993, с. 651].

Общеклассификационная языковая матрица концентрирует внимание на артикуляционно-звуковых ассоциациях, накопленных в опыте языкового субъекта, и грамматических формах, всегда готовых к употреблению, в совокупности образующих, по мнению Д.М. Овсяннико-Куликовского, область бессознательного, где совершаются многочисленные акты мысли и где сохраняются психические ассоциации, в том числе и те, которые образуют язык [Овсяннико-Куликовский, 1989]. В области бессознательного «обретается» «другое» сущего, без которого невозможна реальная действительность, ибо в ней оформляется отношение сущего к своему другому, т.е. откровение абсолютного сознания в человеческом сознании. Через откровение осуществляется весь процесс познания, откровение в широком смысле слова, считает Е.Н. Трубецкой. Откровение повседневного опыта открывает не само абсолютное Сущее, а абсолютное сознание о другом, движущемся, становящемся, несовершенном, притом – не вся полнота абсолютного ведения о другом, а некоторая его сфера, которая может быть шире или уже в меру вместимости развивающегося, совершенствующегося человеческого сознания» [Трубецкой, 1998, с. 220]. Открытие (откровение) абсолютного сознания в человеческом сознании позволяет человеку знать все, что он знает, означает активность абсолютного сознания в человеческом, свидетельствует о наличии между человеческим сознанием и сознанием абсолютным не только логической, но и жизненной связи. В этой связи имеет место предварительное явление двух естеств, начало соединения которых обнаруживает себя в истине, обязательной составляющей познавательного акта.

В словаре В.И. Даля выявляется три типа жизненной связи: процессуальный (признак статический дихотомично соотносится с признаком динамическим) (1), ассимилятивно-вариативный (2) и метонимический (3):

пуковый, пучной, пучковатый, пучечный – связанный пучками, к пучку относящийся (2);

пуковатый, пучковатый – на пучки похожий (2);

пуклый, пухлый, выпуклый, горбом, коробом, раздутый (3);

пучить, пучивать, что выпялить, вздывать, вздуть или горбить, коробить

(1).

«Формализация» жизненной связи происходит в понятии и форме умозаключения. Понятие бытует в виде самостоятельных сущностей – идей (эйдосов), которые находятся в особых логических и ассоциативных отношениях: пук – горб, короб. Форма умозаключения зависит от содержания охватываемых ею высказываний, то есть в конечном счете является производной от конкретных языковых выражений. Улавливание и описание в словарной статье жизненной связи позволяет ее автору представить процесс заполнения (вербализации) пропозиции, являющейся минимальной единицей мышления, и продемонстрировать особенности техники мыслительной деятельности в сети семантик наречий, выступающий в роли символической матрицы сознания для новой формации русского языка – языка образованного.

Техника мыслительной деятельности, популяризируемая в русском книжном языке, ориентирована на трехчастную схему «язык-государственность (религия)-коллективное (общинное) сознание», порождающую аксиологию российского этноса. В Толковом словаре В.И. Даля происходит модификация исходного триединства в тетрактиду «сознание-семиоимпликационное значение – «сеть» топосов – логика (праксеология) топоса, или диалектика существования топоса». Особо обращает на себя внимание трансформация компонента «государственность» в компонент «семиоимпликационное значение», детерминированное топосным настоящим, или «вечным настоящим»; «теперь», исполненным прошлого и предполагающим будущее. «Топос или «здесь и теперь» – это отправная точка для действительного творения истории общества, которая представляет собой самодвижение Материи. Он имеет значение как воспроизводство в современности сотворения начал человеческого общества, т.е. его Первичного творения. В этом смысле топос можно определить онтологически как поперечное сечение «исторического процесса природы», как процесс самодвижения Материи» [Куро́да, 2001, с. 259].

Подобная трансформация достаточно принципиальна для русского языковедения, поскольку кладет начало новому пониманию языка как некой самостоятельной сущности, не тождественной стилю, сводимому к комбинациям речений в соответствии с конвенциональными требованиями построения текста, не противоречащего государственной аксиологии. Выявление свойств языка возможно при изучении особенностей речевой практики этноса, носящей знаковый характер и открывающей возможность видения мира в спонтанности его проявления. Исследование речи создает предпосылки для понимания реализации в знаковой системе книжного русского языка (возможно, системе знаков) сверхпсихического смысла, принципов упорядочения смыслов, которыми владеет сознание, на числовом континууме.

Реальная действительность, трактуемая в философии всеединства как результат отношения сущего к своему другому, конкретно воплощенному в человеке, преобразуется в Толковом словаре в семантическое поле, нелинейное взаимодействие, которое окружает человека – пространство «живого диалога сознания, реальности и языка» [Батракова, 2002], языка, понимаемого в духе Р. Барта как эпистемологическая категория [Барт, 1994]. Семантическое поле, структурированное в теоретико-прагматической концепции В.И. Даля в виде гнезда, позволяет

наиболее адекватно представить особенности техники мыслительной деятельности российского этноса и принципы категоризации мира, ему свойственные. Введение семантического поля, считают В.В. Налимов и Ж.А. Дрогалина, задает представление о психологическом пространстве. «Задание меры на семантическом поле позволяет описывать различные его проявления, происходящие в системах предпочтения. Эти предпочтения задаются функциями распределения, приписывающими различные значения разным участкам этого поля. Мы всегда будем иметь дело с дифференциальными функциями распределения, т.е. с плотностями вероятности» [Налимов, Дрогалина, 1994, с. 107].

Оформление правового поля российского понятийно умозаключающего сознания в конце XX в. сделало вновь актуальной теорию сущности русского языка В.И. Даля. Возвращение к творческому наследию В.И. Даля произошло после разделения бывшего Советского Союза на самостоятельные территории, в числе которых появилась и Российская Федерация, не обладающая языком образованным, могущим выступать в качестве символа национальной (этнической) идентичности. Создание нового образа России было связано с ориентацией на стилевую программу идентификации пространства существования, на стиль, представляющий, в соответствии с концепцией Р. Барта, нечто исходящее из сферы индивидуальной, интимной мифологии его креатора, из сферы речевого организма носителя языка, где рождается первоначальный союз слов и вещей [Барт, 1994]. Интерес к словарю В.И. Даля естественно возобновился для узаконивания и придания качественно иного статуса речевой деятельности как деятельности, маркирующей свободную личность демократического общества. Ориентация на речевую практику предполагала описание сознания «вне категорий пространства действия и времени», а физическое пространство и время при подобном подходе не являются аргументами тех функций распределения семантического поля, через которые строится образ сознания. Возвращение к главенствованию речи в организации семантического пространства истории и управлении коммуникационным процессом, предпринятое с опорой на концепцию и эмпирические данные В.И. Даля, было осуществлено без учета фундаментальных теоретических установок автора. К таким установкам необходимо причислить: 1) в речевой практике следует обнаруживать не спонтанность деятельности сознания представителя этноса, а возможность видения мира в спонтанности его проявления; 2) в ситуации речевой коммуникации спонтанно возникает как результат свободного выбора условная функция распределения, функциональный преобразователь, селективно изменяющий исходную функцию – плотность вероятности; 3) задание вероятностной меры на семантическом поле (психологическом пространстве) обусловлено коммуникацией абсолютного сознания и сознания человеческого.

Особо активно языковое миростроительство в конце XX – начале XXI в.в начало себя обнаруживать в речах политических лидеров, а затем, при переходе страны к всенародным выборам органов управления государством, и в политических агитационных кампаниях. Наиболее показательными в этом плане с точки зрения оперирования семиоимпликационным значением и построения реальной действительности представляются губернаторские выборы в Красноярском крае (май 1998 г.) и Алтайском крае (март-апрель 2004 г.).

Реальная действительность в красноярской электоральной кампании представляет собой результат взаимоотношения государства и региона, являющего собой «иное», «другое» по отношению к первому. Подобная модификация исходного денотата (реальной действительности) ведет к утверждению новой политической формы государственности – региональной – как особой стадии исторического (природного) процесса, мотивированного развитием и становлением нацио-

нальной идеи, в которой осуществляется переход власти из состояния идеального в состояние реальное. В результате локальная культура и, как следствие, логика топоса, обретает свойства «имперского универсализма». Функция распределения семантического поля, или плотность вероятности, задается терминологическим комплексом «региональная картина мира». Вероятностная мера «региональная картина мира» представляет собой номинативную единицу, появившуюся в результате консолидации политического творчества и инструментальной функции языка. Политическое творчество имеет своей целью созидание аксиологических норм, адекватно отражающих алгоритмическую реакцию группы людей на эволюционные процессы в человеческом, социальном и биологическом мирах.

Категория производственного действия (производного от власти) признается ведущей семантической категорией, классифицирующей реальность по приводящему признаку – контекстно-денотативному. Социальное действие становится символическим действием, если проходит стадию денотативной трансформации, переводящей контекстуальный денотат (аргумент) в статус денотата-референта (факта). Функции денотата-референта выполняет слово, конкретизирующее на онтологическом уровне вещь. Слова являются материальным носителем самостоятельных нематериальных сущностей идей (эйдосов), которые находятся в особых онтологических отношениях, приравниваемых в политических текстах к логическим. Новая форма жизни, обнаруженная в ходе электоральных кампаний в локальных культурах, – политическая форма жизни – обосновывается умозаключениями, имитирующими принцип производства человеческой жизни через сеть ассоциативных связей – мотивирующей базы политического текста. В политическом тексте слово – это элемент абстрактного упорядоченного множества, на котором определены некоторые семантико-идеологические функции, представленные системами цифровых и лексических классификаторов (контекстуальных денотатов, денотатов-референтов, циклических знаков). Тексты определяют понятийное (категориально-идеологическое) множество, или вещную значимость/ценность умозаключения. Причем множество возникает тогда, когда есть исчисление – общая классификационная матрица, необходимая для понимания текста.

Результат развертывания политической формы жизни – создание региональной языковой программы, основанной на языке исчисления, или метаязыке региона, при помощи которого записывается совокупность текстов, характеризующих познавательные установки жителей региона (общие классификационные матрицы), их жизненные приоритеты.

Специфичность алтайской региональной языковой программы состоит в том, что в ней при конструировании текстов электоральной кампании использовались три языка-основы: язык В.М. Шукшина (дословное цитирование), язык Бертольда Брехта (сценография и принцип построения художественного образа Верховного Администратора), язык «цвета» (моделирование на плоскости сверхпсихического смысла). Реальная действительность в подобном случае есть результат взаимоотношения топоса и сети топосов, детерминирующим вектором стабилизации которого является региональная эстетическая оценка. В этой оценке сопрягаются естественные и искусственные законы, определяющие параметры жизненной (исторической) ситуации региона. «Индивидуальная природа» региона классифицируется региональной эпистемой, формируемой на основе операций обособления, конкретизации и особой системы обоснования социального мироустройства, построенной на базе двух типов аргументации – логическом (жизненные императивы) и риторическом (культурные императивы). Политическая форма жизни придает непосредственно ощутимый смысл человеческим взглядам: выбор абстрактной системы умозаключений, аксиологии позволяет реально, на практике установить ее

ложность/истинность, т.е. удостовериться в пригодности предлагаемого способа продвижения к предметной сущности. Иначе: разрабатывается праксеологический вариант теории повседневной реальности, электоральное возвращение в жизненный мир.

Теория повседневной реальности в России базируется прежде всего на декоративном чутье россиянина [Дмитриева, 1962]. Именно эстетическое отношение к миру позволяет жителю России зрительно объединять в ансамбли отдельные предметы, а следовательно, выступать в единстве с объемно-пространственной формой предмета. Мир при этом существует как событие, являющееся результатом художественного конструирования. При художественном конструировании зрительно-пространственной формы не предполагают прямых аналогий в реальной действительности. Художественное конструирование представляет собой один из вариантов интеллектуального моделирования, мысленного эксперимента с целью нахождения программы функционирования вещи. Последнее должно соответствовать динамическому уравнению классически допустимой эволюции, основанной на принципе функциональной зависимости [Блохинцев, 1970]. Поиски динамического уравнения классически допустимой эволюции в современной исторической ситуации осуществляются в пределах провинциального локуса – одной из реализаций локальной культуры человечества. «Относительно самостоятельный и важный статус локальности в процессах как биологического, так и социокультурного развития обусловлен тем, что потенции этого развития могут быть выявлены лишь во множестве эволюционных форм путем регионального ограничения. А это означает выработку соответствующих комплексных, локально специализированных способов существования, которые отражают конкретные условия осваиваемых сред» [Маркарян, 1985, с. 26].

Существование в пространстве координат социальной реальности зависит от конкретных условий осваиваемых сред и предполагает выработку особых принципов согласования духовного уклада и душевной семантики. Принципы согласования духовного уклада и душевной семантики разрабатываются в языке Человека Алтая – человека, проживающего на территории Алтайского края и республики Алтай. Этот язык представляет собой результат семантического конструирования теории повседневной реальности. Основные отличительные черты данного языка можно определить следующим образом: 1) это язык терминологизированного типа; терминологизированные языки семантизируют причинно-следственную связь и цельность последовательности реалий мира, а также языковых форм [Дридзе, 1984]; 2) детерминационной базой языка является язык, актуализированный в живописных системах; 3) деривационной базой языка следует признать локальную дискурсивную мысль, т.е. принцип вычленения некоторого критерия познания, предполагающий освобождение от всяких посторонних примесей через определенные понятия [Трубецкой, 1917]; 4) общие когнитивные процессы, определяющие семантический континуум языка, касаются принципов познания взаимодействия воли и истины, смоделированных в общей форме, функциональной задачей которой является установление (исчисление) сущности органичности как особенности, характерной для всего органического мира [Розанов, 1996].

Язык человека Алтая позиционирует по сути язык как «размытую совокупность текстов» [Арапов, 1988], что влечет за собой приписывание ему таких параметров как: 1) использование бесконтекстной грамматики; 2) оперирование для маркирования сверхпсихического смысла не языковой единицей, а ее употреблением; 3) обеспечение языковому коллективу вхождения в общечеловеческий семантический континуум, или глобальную понятийно-умозаключающую сеть.

Вероятность вхождения Человека Алтая в общечеловеческий семантический континуум детерминирована владением им бесконтекстной грамматикой, отраженной в живописном языке Алтайской культуры. Живописный язык должен снимать противоречия, возникающие в системе формально-логического опыта, фиксируемого в вербальном тексте. Вариативно язык представлен в живописной системе, под которой понимаются принципы разложения сложных тонов на чистые цвета, выражающие определенное соотношение света и тени, а также систему принципов-понятий, в соответствии с которыми осуществляется операция модуляции (рассечения, расчленения, анализа) пространства восприятия любого сегмента внешнего мира.

В живописном локальном языке выявляются сингулярности разбиения семантического континуума на подмножества. Точка разбиения континуума, считают В.В. Налимов и Ж.А. Дрогалина, может быть произвольно отнесена либо к одному, либо к другому подмножеству: «Она является верхней границей одного из них и нижней другого (аксиома Серпиньского). Объединение двух континуумов, имеющих общую точку, есть континуум. Из сказанного следует, что семантика, заданная на континууме, недизъюнктивна» [Налимов, Дрогалина, 1994, с. 108]. С точками разбиения континуума резонируют семиоимпликационные значения.

В теоретико-прикладной концепции В.И. Даля была задана константа нормировки семиоимпликационной реакции носителя русского образованного языка на мир в спонтанности его проявления, был осуществлен переход от привычного для Запада представления о Законе к древневосточному представлению о Дао – принципу спонтанности. Кроме того, была выявлена функция распределения, приписывающая различным участкам семантического поля различные значения (плотность вероятности), «жизненная связь», фиксирующая связь между абсолютным сознанием и сознанием человеческим.

Для существования жизненной связи, обеспечивающей движение от звука к свету, необходима «светоносная» среда, в которой происходит мыслительный процесс, поддерживающий это движение. Аналог подобной среды, в которой понятийно-заключающее сознание предпринимает попытку открытия абсолютного сознания в человеческом сознании, попытку освоения Логоса как функции распределения, задающей плотность вероятности, создается в выпуске № 10 журнала «Эксперт», вышедшем в свет спустя год после выборов президента в России. Техника мыслительной деятельности читателя ориентирована пропозициональной связкой «жизненная связь» (сеть), соединяющей язык, стиль и письмо, т.е. эпистемологическую категорию, телесный опыт (речевой организм) пишущего и живописную систему (письмо) читающего. Результатом соединения этих трех кодификаций становится новая повседневная реальность (вариант реальной действительности) – поисковый язык для решения динамического уравнения классически допустимой эволюции в России, или совокупности территорий, существование которых определяется логикой имперской государственности. Имперское правление, например, в Китае воплощало связь всеобщности и интимности космического потока жизни. Имперская государственность искала свое основание в эффективности символического действия, поскольку была «небесной сетью», охватывающей все сущее. Реальность в традиционной китайской мысли определяется через сходство несходного, которое есть всеобщее событие (хуа): совместность различных моментов бытия, всеобщая среда превращений [Малявин, 1995].

Литература

- Акулинин В.Н. Философия всеединства: От В.С. Соловьева к П.А. Флоренскому. Новосибирск, 1990.
- Арапов М.В. Квантитативная лингвистика. М., 1988.
- Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1994.
- Батракова С.П. Искусство и миф: Из истории живописи XX века. М., 2002.
- Блохинцев Д.И. Пространство и время в микромире. М., 1970.
- Даль В.И. Напутное слово (Читано в обществе Любителей русской словесности) // Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. Т. 1. М., 1994. С. XXI-XXXVII.
- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. М., 1994.
- Джеймс У. Прагматизм. Новое название для некоторых старых методов мышления // Джеймс У. Воля к вере. М., 1977. С. 208-324.
- Дмитриева Н.А. Изображение и слово. М., 1962.
- Дридзе Т.М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. М., 1984.
- Киров Е.Ф. Теоретические проблемы моделирования языка. Казань, 1989.
- Курода К. Праксеология. Философия субъективности межчеловеческих отношений (К исследованию диалектики Маркса как логики топоса-процесса). М., 2001.
- Лосев А.Ф. Философия имени // Лосев А.Ф. Бытие – имя – космос. М., 1993. С. 613-801.
- Лукьянов А.Е. Становление философии на Востоке (Древний Китай и Индия). М., 1992.
- Малявин В.В. Китай в XVI –XVII веках. Традиция и культура. М., 1995.
- Малявин В.В. Сумерки Дао. Культура Китая на пороге Нового времени. М., 2003.
- Маркарян Э.С. Соотношение формационных и локальных исторических типов культуры // Этнографические исследования развития культуры. М., 1985.
- Налимов В.В., Дрогалина Ж.А. Как возможно построение модели бессознательного? // Бессознательное. Новочеркасск, 1994. С. 108-118.
- Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения. М., 1988.
- Овсяннико-Куликовский Д.Н. Литературно-критические работы: В 2-х т. М., 1989.
- Розанов В.В. О понимании. Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания. М., 1996.
- Соловьев В.С. Собр. соч. в 10 т. Т. 2. СПб., 1911-1914 // Цит. по: Акулинин В.Н. Философия всеединства: От В.С. Соловьева к П.А. Флоренскому. Новосибирск, 1990.
- Трубецкой Е.Н. Метафизическое преодоление сознания, опыт преодоления Канта и кантианства. М., 1917.
- Трубецкой Е.Н. Смысл жизни // Трубецкой Е.Н. Избранное. М., 1998. С. 5-296.
- Федотов Г.П. Судьба и грехи России: В 2-х т. СПб., 1991.
- «Эксперт». 14-20 марта 2005. № 10 (457).